

Б. Т. ГОРЯНОВ

**КРУПНОЕ ФЕОДАЛЬНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В ВИЗАНТИИ
В XIII—XV вв.¹**

Сравнительно-исторический метод исследования давно уничтожил представление о том, что феодализм был присущ исключительно средневековому Западу. Преимущественно трудами русских ученых были вскрыты общие черты в развитии общественно-экономического строя Западной Европы и Византии и установлено, что Византия, как и государство Запада, проходила путь развития феодализма². Советские византилисты, опираясь на марксистско-ленинский метод исторического исследования, пришли к выводу о том, что и в Византии господствовали феодальные производственные отношения.

Однако развитие византийского феодализма имело свои особенности. В то время как в Западной Европе централизованная монархия исчезла с V в. на многие столетия, в Византии монархия формально сохранилась до самого падения империи.

Запад начал свою средневековую историю с полного упадка городов, с перехода к натуральному хозяйству. Византия в своей ранней истории не знала упадка. Но если на Западе с XI в. происходит подъем городов, то в Византии начинается их упадок, прогрессирующий до конца ее истории. Основой экономического строя Византии в течение всего ее существования продолжало оставаться земледелие. Над городским ремеслом византийское государство осуществляло строгий мелочный контроль, который сковывал его развитие. Кроме того, начиная с XI в. Византия теряет свои позиции во внутренней и внешней торговле, захватываемые итальянскими торговыми республиками. В Византии мы не наблюдаем поэтому развития буржуазии, не можем проследить зарождения капиталистических элементов в недрах византийского феодального общества; там не образовывались, таким образом, классовые силы, которые могли бы быть противопоставлены классу феодалов, силы, на которые могла бы опереться централизованная монархия в борьбе с феодальной раздробленностью. В то время как на Западе в период позднего феодализма процесс централизации взял верх над феодальной раздробленностью, в Византии к концу ее истории феодальная раздробленность достигла наивысшей степени. Предметом настоящей статьи является

¹ Статья написана на материале одной из глав докторской диссертации автора на тему „Поздневизантийский феодализм“.

² В. Г. Васильевский. Труды, т. IV. Л., 1930, стр. 123; Ф. И. Успенский. Социальная эволюция и феодализация Византии. *Анналы*, № 2, Петроград, 1922, стр. 95—114; К. Н. Успенский. *Очерки по истории Византии*, ч. I. М., 1917, стр. 8—9.

изучение крупного феодального землевладения поздней Византии. Руководствуясь указанием классиков марксизма-ленинизма о том, что основой феодализма является феодальная собственность на землю, мы обращаем внимание прежде всего на исследование форм крупного феодального землевладения. Анализ форм землевладения в период поздней Византии в значительной мере облегчается тем, что к концу XIII и первой половине XIV вв. относится большое количество актов переписи земель — практиков или, как их теперь обычно называют, византийских писцовых книг¹.

За время латинского господства были уничтожены почти все описи земельных владений, на основании которых государственный фиск устанавливал порядок взимания и размеры налогов. Поэтому после восстановления империи первой задачей правительства было составление новых описей земельных владений².

Задачей налоговых сборщиков, носивших название *ἀπογραφεὶς*³, было установить изменения, происшедшие в земельных владениях, расценить их стоимость и на этом основании установить налоги. При описании земельных владений в писцовых книгах перечисляются все статьи доходов того или иного владения, которые составляют феодальную ренту землевладельца. В них дается список дворов зависимых крестьян с указанием размеров подворной подати и других повинностей, а также перечисляются земли, находящиеся в непосредственном владении крупного землевладельца с указанием поступающих с них доходов⁴.

Переписи поздневизантийского времени, еще недостаточно изученные, существенно расширяют, таким образом, необходимый для характеристики крупного феодального землевладения и положения зависимого крестьянства круг источников, способствуя более полному исследованию общественно-экономических отношений в Византии.

ПРОНИЯ И ЕЕ РАЗВИТИЕ В XIII—XV вв.

Основной формой крупного феодального землевладения в поздней Византии была прония.

Попытка представить характеристику развития пронии была сделана в трудах Ф. И. Успенского, исходившего из тех основных положений, которые впервые были выдвинуты еще А. А. Майковым⁵ и В. В. Макушевым⁶.

Ф. И. Успенский установил, что наделение населенными местами в виде пронии может быть засвидетельствовано в конце XI в. В конце

¹ Византийскими писцовыми книгами практики назвал Ф. И. Успенский (Ф. И. Успенский. Следы писцовых книг в Византии. ЖМНП, 1884, № 1, стр. 1—43; № 2, стр. 289—335; 1885, № 7, стр. 1—52), и под этим названием они фигурируют с этого времени в исследованиях, посвященных изучению аграрных отношений в Византии.

² Это описание земельных владений называлось *διὰ γυνωσις ἀναγραφική*, а в поздневизантийское время получило название *ἀπογραφική ἀποκτάττασις* или *ἀποκταστατικὸν γράμμα*. ММ, IV, р. 254; VI, р. 217, 246, 248, 258; F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948, № 15, S. 57; № 37, S. 107. Производство переписи земельных владений обозначалось термином *εἰσῶσις*. ММ, VI, р. 256—257; F. Dölger. Op. cit., № 65/67, S. 194; № 68/69, S. 199.

³ В XIII—XV вв. термин *ἀπογραφεὶς* заменяет прежний термин *ἀναγραφεὺς*.

⁴ Г. Острогорский. Византийские писцовые книги. Byzantinoslavica, IX, 2, Praha, 1948, стр. 203. См. нашу рецензию на эту работу: ВВ, т. III, 1950, стр. 267—276.

⁵ А. Майков. О земельной собственности в древней Сербии. „Чтения ОИДР“, 1860, кн. 1, стр. 1—30; его же. Что такое прония в древней Сербии. Там же, 1868, кн. 1, стр. 227—232.

⁶ В. Макушев. О пронии в древней Сербии. ЖМНП, ч. 175, 1874.

XII в. уже широко встречается формула *διὰ προνοιατικῆς δωρεᾶς*. Так, в документе на владение вотчинами и поместьями рода Скордилов на острове Крите мы встречаем формулу *καὶ ἀποκαταστᾶν καὶ ἀναπαύειν ἐνὶ ἐκάστῳ εἰς τὴν γονικὴν ἐπαρχίαν καὶ γῆν καὶ διὰ προνοιατικῆς δωρεᾶς*¹. Рассматривая эту формулу, Ф. И. Успенский считал, что в ней содержится противопоставление вотчины, т. е. владения, уже превратившегося в наследственное (*γονικὴ ἐπαρχία*), и пронии, еще не вышедшей из стадии условного и временного пожалования².

Ф. И. Успенский рассматривал пронию как условное пожалование земли, связанное, во всяком случае на первых этапах своего развития, с выполнением определенных служебных обязанностей, в том числе с обязанностью военной службы³.

Точка зрения Ф. И. Успенского на развитие пронии подвергалась рассмотрению и критическому разбору в трудах П. Мутафчиева⁴, Ф. Дельгера⁵ и Э. Штейна⁶. В этих работах высказывалось мнение, что прония возникла из пожалования (в качестве вознаграждения за службу) права на получение ренты с населения определенного района.

Этот вопрос имеет особое значение при определении характера пронии вообще и ее развития в поздней Византии в особенности. Указанные исследователи считали, что прония в XI—XII вв. не представляла собой поместья, земельной собственности, что она возникла, как пожалование частному лицу права на сбор определенной суммы государственных налогов. Эта определенная сумма податей носила название *ποσότης*, и прония якобы являлась пожалованием права на сбор этого *ποσότης* и лишь в позднее время это право превращается в право на владение землей, с населения которого прониары имели право взимать определенную сумму налогов. В последнее время эта точка зрения наиболее полно проводилась в работе А. П. Каждана⁷. Однако имеется ряд документов, не оставляющих никакого сомнения в том, что именно пожалование пронии влекло за собою одновременно, а зачастую (что особенно важно)

¹ MM, III, p. 235.

² В научной литературе выдвигались мнения, что термин *ἐπαρχία* не имел значения земельного владения, а зачастую употреблялся в смысле „область“, „провинция“, что уже в X в. намечался процесс образования родовых областей. Подобный процесс, действительно, имел место, хотя, конечно, не в X в., а значительно позднее. Но это лишь подтверждает представление Ф. И. Успенского о развитии крупного землевладения в Византии. Крупные землевладельцы, особенно в Малой Азии, стремились превратить провинции, которыми они управляли, в наследственные. Однако нужно иметь в виду, что они получали те или иные области в управление именно как представители крупного землевладения. Крупные землевладельцы захватывали в свои руки аппарат областного управления. Получение высоких административных должностей в провинциях в поздней Византии в большинстве случаев совпадало с держанием крупных земельных владений, поэтому, если *ἐπαρχία* и употребляется иногда в смысле „области“, то это отнюдь не нарушает схемы, установленной Ф. И. Успенским.

³ Ф. И. Успенский. Значение византийской и южно-славянской пронии. Сб. статей по славяноведению, сост. и изд. учениками В. И. Ламанского к 25-летию его ученой деятельности. СПб., 1883.

⁴ П. Мутафчиев. Прония в Византии и отношение к военной службе. „Известия на историческо дружество“, № 6. София, 1924, стр. 1—30; его же. Войнички земи и войници в Византия през XIII—XIV вв. Списание на Българската Академия на Науките, кн. XXVII. Клон ист.-филол. и филос.-обществен, 15. София, 1923.

⁵ F. Dölger. Die Frage des Grundeigentums in Byzanz. Bulletin of the Intern. Committee of Hist. Sciences, V, 1933, p. 1—15.

⁶ E. Stein. Untersuchungen zur spätbyzantinischen Verfassungs- und Wirtschaftsgeschichte. „Mitteilungen zur Osmanischen Geschichte“, II, 1—2. Heft. Wien, 1923, S. 1—62.

⁷ А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. Приложение „Прония“. М., 1952, стр. 202—223. См. рецензию М. В. Левченко на эту работу. ВВ, т. VII, 1953, стр. 279.

и впоследствии право сбора определенной суммы налогов с населения территории.

Так, известно, что в 1343 г. кавалларий сир Мануил Месопотамит обратился к императору Иоанну V Палеологу с просьбой пожаловать ему право сбора с его пронии (экономии), находящейся в Дракове, налогов на сумму 20 иперперов (*ἀπὸ τῆς οἰκονομίας αὐτοῦ τῆς εἰς τὴν Δράκωβαν ποσότητα ὑπερπύρων εἴκοσι*¹). Эта формулировка отчетливо показывает, что предоставление права сборов налогов являлось следствием уже ранее пожалованного владения землей на основе пронии.

Подобное же значение *ποσότης* видно из описи владений Зографского монастыря в Фессалоникской феме, составленной налоговым сборщиком Дмитрием Апельмене². Излагая содержание полученного им распоряжения о составлении писцовой книги, налоговый сборщик Апельмене говорит, что целью его является передать каждому (владельцу) определенный *ποσότης* с принадлежащей ему *οἰκονομία* (*παραδοῦναι ἐκάστῳ τὴν τῆς ἰδίας οἰκονομίας αὐτοῦ ποσότητα*)³.

П. Мутафчиев пытался доказать, что владение пронией не было связано с военной обязанностью прониара (*στρατιωτικὴ δουλεία*)⁴. Однако примеры, которые он приводит, говорят, что военная обязанность не носила случайного характера, а была тесно связана с самим институтом пронии. Так, например, он отмечает, что в грамоте Михаила Палеолога 1262 г. речь идет не об обязанностях прониара, связанных с самой пронией, а о повинностях, лежащих на отдельных прониарских селениях⁵. Эти прониарские селения, говорит Мутафчиев, основывали свое право на известный участок, так как платили государственные и военные налоги (*βάρη τελεσμάτων ἐπίκεινται τοῦτοις δημοσιακῶν τε καὶ στρατιωτικῶν ἐνεκα ταύτης*)⁶. Однако этим владельцам незачем было обосновывать свое право на участки, так как это право могло принадлежать лишь общему владельцу, которому эти владения жаловались в пронию. Такими владельцами в данном случае были приближенные Михаила VIII Георгий Комнин Ангел и Иоанн Салагит, упоминающиеся в документе.

Мутафчиев справедливо отмечает, что не все держатели проний были лицами военного звания⁷. Однако это само по себе правильное утверждение отнюдь не противоречит тому, что на всех этих держателя проний лежала обязанность по поставке определенного количества воинов.

Обязанность поставлять определенное количество воинов лежала не только на светских землевладельцах-прониарах, но и на церковномонастырских владениях, которые освобождались от нее в порядке исключения.

Еще в XI в. установился порядок, по которому не только прониары, но и население отдельных провинций империи было обязано поставлять определенное количество воинов. В поздневизантийское время этот поряд-

¹ Actes de Chilandar. ВВ, т. XVII, 1911, прилож., стр. 277. В поздневизантийское время для обозначения феодального держания наряду с пронией встречаются и другие равнозначные термины, особенно *οἰκονομία* (см. F. Dölger. Die Frage des Grundeigentums in Byzanz, № 10, S. 47; № 16, S. 57; № 50, S. 140; № 66/67, S. 194; № 68/69, S. 199), а также *κεφαλῆτικον*. Происхождение последнего термина связано, бесспорно, с функциями управления (*κεφαλαικτικεῖν*), которые в это время несли прониары.

² Actes de Zografou. ВВ, т. XIII, 1907, прилож., стр. 35—37.

³ Ibid., стр. 35.

⁴ П. Мутафчиев. Войнички земи и войници в Византия през XIII—XIV вв., стр. 1—113.

⁵ Там же, стр. 43—44.

⁶ ММ, VI, р. 212.

⁷ П. Мутафчиев. Войнички земи и войници в Византия през XIII—XIV вв., стр. 45—46.

док получает дальнейшее развитие, и предоставление всего числа воинов, которое должно было быть поставлено провинциями, все чаще возлагается на прониаров. Мы не имеем показаний источников, которые позволяли бы судить о принципе, по которому владения отдельных прониаров должны были поставлять то или иное число воинов. Можно лишь высказать предположение, что оно зависело от размеров владений и устанавливалось областными правителями. В известной простагме Стронгила Стипиота мы находим прямое подтверждение тому, что он требовал копыеносцев от монастыря Лемвиотиссы, как требовал и от остальных областей империи¹. Хотя отдельным городам и общинам давались привилегии, освобождающие их от поставки воинов или от несения военной службы за пределами своей местности, эти документы единичны. К числу их относится хрисовул Андроника II жителям Янины от 1319 г., по которому он обещал „не принуждать их отвлекаться на военную службу вне их города“ (ἐξω τῆς ταύτης πόλεως)². Эти единичные грамоты служат лишним подтверждением того факта, что обязанность поставлять воинов лежала на всех провинциях, всех общинах, а в эпоху Палеологов на крупных землевладельцах, и что для освобождения от этой обязанности нужно было добиться специального императорского распоряжения.

Опубликованный Ф. Дэльгером документ проливает новый свет на вопрос о характере стратиотского землевладения, пришедшего в поздне-византийское время в окончательный упадок. Этот документ — хрисовул Иоанна V Палеолога от ноября 1342 г., выданный им группе стратиотов, происходивших из Клазомен (Малая Азия) и поселенных у города Серры³. Находившиеся возле Серр стратиоты из Клазомен, как они именуются в документе (κλαζομενῖται στρατιῶται), обратились к императору с просьбой, чтобы доходы, получаемые ими с их участков, были закреплены за ними с правом передачи их по наследству. Это право было им предоставлено. Примечательно то, что предоставление этого права было связано с обязанностью несения военной службы. По этому документу мы можем установить сохранение остатков стратиотских держаний, хотя и очень незначительных, приближающихся по своему характеру к владениям типа пронии, держатели которых были обязаны нести военную службу (ἀποδιδόντες τὴν ὀφειλομένην ὑπὲρ αὐτῶν δουλείαν).

В поздневизантийское время большое количество проний получают люди военного звания. Никита Хониат рассказывал о раздачах земель воинам еще при Мануиле Комнине⁴. Однако лица, получавшие земли в пронии, не были простыми воинами, которые обычно наделялись стратиотскими участками, а принадлежали к разряду командиров. Один из этих прониаров назывался *προκαθήμενος*⁵, из грамоты мы узнаем, что он был *προκαθήμενος* в Смирне (*προκαθήμενος Σμυρνης... Ἰωάννης σεβαστὸς ὁ Ἀλωπός*)⁶. Кавалларий Сиргари, владевший пронией, также не был обыкновенным воином-кавалеристом, так как титулами *καβαλλάριοι* византийцы наделяли западных рыцарей, которые в XIII—XIV вв. нередко

¹ MM, IV, p. 251.

² Ibid., V, p. 81.

³ F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges, № 16, S. 57—58.

⁴ Nicetas Choniata. Historia, VII, 4, p. 273.

⁵ MM, IV, p. 38.

⁶ Ibid., p. 150. Этот же *προκαθήμενος* Смирны Иоанн Алопос упоминается в хрисовуле Иоанна III Ватада от 1234 г. (ibid., p. 146) и в продажной записи Иоанна Равдоканака от 1236 г. (ibid., p. 193—194).

встречаются на службе в византийской армии¹. В документе 1232 г. мы встречаем стратиота Константина Калигопула. Однако из его чина вестиярита² также явствует, что он был не простым воином, а командиром. Пронии отличались от военных держаний, так называемых стратиотских участков, главным образом тем, что последние обрабатывались личным трудом их держателей, в то время как пронии были крупными земельными владениями и обрабатывались большим количеством зависимых от прониаров париков.

Особенность развития пронии в период поздней Византии состояла в том, что она превращается из условного и временного пожалования в наследственную собственность. В позднее время все полнее стиралось различие между прежними владениями на основе пронии и наследственными поместьями. Это различие, в конце концов, исчезло настолько, что прежнее значение *πρόνοια* потеряло свой первоначальный смысл. Прония превратилась в основную, преобладающую форму земельного владения. Термин прония применялся к различным видам земельной собственности. Владения, которые раньше жаловались *κατὰ λόγον προνοίας*, теперь все чаще, в результате давления крупных феодальных землевладельцев на государственную власть, переходили на положение *κατὰ λόγον γονικότητος* или *κατὰ λόγον δεσποτείας*. В ряде хрисовулов императоров династии Палеологов по требованию крупных землевладельцев выражается согласие переписать *οικονομίαν* (термин, равнозначный *πρόνοια*) в *γῆν γονικὴν* или обратить *οικονομίαν* во владение *κατὰ λόγον γονικότητος*. В поздневизантийское время нередко были случаи, когда новые пожалования проний сопровождалось одновременно предоставлением права передачи этих владений по наследству. Так, вскоре после воцарения Михаила VIII было роздано большое количество новых проний с правом передачи по наследству (*τὰς ἐκείνων προνοίας... γονικὰς ἐγκαθίστᾶν τοῖς παισὶ*)³. Права передачи по наследству получали во многих случаях люди, уже давно получившие владения в пронию. В 1299 г. Георгий Трулин обратился к Андронику II с просьбой, чтобы ему был выдан хрисовул, по которому он имел бы право передавать свои владения по наследству (*ἵνα τύχη χρυσοβούλλου καὶ κατέχει τὴν τοιαύτην γῆν ὡς γονικὴν*)⁴. В этом хрисовуле просьба Георгия Трулина была удовлетворена и ему было пожаловано право передачи владений по наследству детям и другим наследникам (*ὀφείλει δὲ παραπέμπειν ταύτην καὶ πρὸς τοὺς ἐξ ὀσφύος παιδῶν καὶ κληρονόμους αὐτοῦ*)⁵.

Значение терминов *γονικότητος*, *κατὰ λόγον γονικότητος* становится еще более понятным при анализе некоторых новых документов, опубликованных Ф. Дэльгером в уже упоминавшемся нами собрании неизданных афонских актов, вышедшем в свет в 1948 г. Среди этих актов обращает на себя внимание хрисовул Иоанна VI Кантакузина от 1349 г., выданный им сановнику Димитрию Деблицину. В этом акте упоминается, что в свое время Деблицин получил императорскую простагму, по которой из 400 иперперов дохода, которые он получал от своих владений, 100 иперперов передавались ему как доход, переходящий по наследству (*κατὰ λόγον γονικότητος*). Деблицин обратился к Иоанну VI

¹ П. Мутафчиев. Войнишки земи и войници в Византия през XIII—XIV вв. стр. 49.

² MM, VI, p. 242.

³ Pachermeres. De Michaelae et Andronico Paleologis, II, 1, Bonnae, v. I, 1835, p. 92; II, 5, p. 97—98. Ср. также MM, V, p. 107.

⁴ MM, V, p. 89.

⁵ Ibid., p. 90; cf., p. 109.

Кантакузину с просьбой, чтобы эти 100 иперперов дохода он получал в первую очередь со своего владения Гермилен опять-таки наследственно, *κατὰ λόγον γονικότητος*. В своем хрисовуле император передал Деблицину просимый доход с правом перехода его по наследству — *κατὰ λόγον γονικότητος παραπέμψει δὲ ταύτην καὶ πρὸς τοὺς ἐξ ὄσφους παῖδας τοὺς γνησίους κληρονόμους καὶ διαδόχους αὐτοῦ*¹.

Право пожалования проний на основе *γονικότητος* в позднее время нередко давалось за какие-либо особые заслуги. Об этом свидетельствует хрисовул 1378 г. В этом документе упоминается, что Сампий Радослав обратился к императору с просьбой разрешить ему воздвигнуть сторожевую башню (*πυργόν*) в его владениях Абрамиты и Неохорион в районе Каламари и предоставить ему право передавать свое владение *κατὰ λόγον γονικότητος*. Учитывая заслуги Радослава и его отца, император в своем хрисовуле пожаловал ему просимое им право передачи владения по наследству².

Одной из важнейших особенностей в развитии крупного феодального землевладения в поздневизантийское время было то, что прониары наделялись широкими административно-судебными правами над зависимыми от них париками. Во многих актах позднего времени об этих правах прониаров говорится следующее: *κεφαλατικεὴ ἰδίᾳ τε καὶ χωρὶς ἀπὸ τοῦ κεφαλατίκιου, κρατεῖν καὶ κεφαλατικεῖν* или *ἄρχεῖν*. В *κρίσιμη γραφῇ ἀποκαταστατική* проастия Сфурна говорится, что парики Сиргари должны находиться под его властью в принадлежащей ему местности Сфурна³. В другом документе (*σημείωμα*), относящемся к этому же владению, упоминается, что этот же Сиргари облечен судом в своих владениях, в том числе и судом над своими париками (*δικαίῳ τε οἰκείῳ καὶ δικαίῳ τῶν παρσίκων αὐτοῦ*)⁴. В *ὄρισμός* деспота Пелопоннеса, по которому определялись права Димитрия и Андроника, сыновей Георгия Гемиста, в принадлежавших им владениях во Врize и Фанари, явственно говорится о том, что им вверялись права административного управления в этих владениях (*καὶ ἄρχη οὗτος αὐτοῦ καὶ κεφαλατικεὴ*)⁵. Подобная формулировка (*ἄρχη καὶ κεφαλατικεὴ*) встречается и во многих других документах поздневизантийского времени.

В этот период особое значение приобретает переход к крупным землевладельцам-прониарам функции финансового управления, одной из важных функций византийского государства. Это служило источником больших доходов прониаров и еще более усиливало их экономическую мощь. Если при Палеологах и делались иногда попытки изъять у прониаров определенную часть налоговых поступлений, то от этого интересы прониаров не страдали, так как в подобных случаях они перекладывали изъятия на зависимое от них население. Из сообщения Пахимера мы знаем, что Андроник II для расходов на ведение одной военной экспедиции в Фессалии решил изъять у владельцев проний одну десятую часть их доходов (*τὸ τῆς προνοίας τῶν ἐχόντων προνοίας δέκατον*). Средства, которые Андроник II стремился получить, были внесены, но оказалось, что прониары собрали эти суммы с зависимых от них париков⁶. В другой раз Андроник II должен был получить денежные

¹ F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges, № 10, S. 47.

² Ibid., № 11, S. 49. Cf. Actes de Chilandar. BB, т. XVII, 1911, прилож., стр. 28—29.

³ MM, IV, p. 36.

⁴ Ibid., p. 41.

⁵ Ibid., VI, p. 225.

⁶ Pachymeres. De Michaele et Andronico Paleologis, I, 25, v. I, p. 69.

средства от проиаров, чтобы за счет этих поступлений устроить в Малой Азии приглашенных им в большом количестве наемников-критян. С этой целью он также потребовал от проиаров десятой доли доходов. Но и в этом случае, как сообщает Пахимер, вся тяжесть этого изъятия легла на плечи зависимых париков (ή ζημία τοῖς παροίκαις περίστατο), которые не знали, как они смогут перенести эти взносы неожиданных добавочных налогов (οὐκ ᾔδεσαν δὲ ὅπῃ καὶ ἐς τὸ πικντελεῖς ἐμελλον βαρυνθῆναι)¹.

В первые же годы после завоевания Константинополя и восстановления империи появляется много новых феодальных владений, которые Михаил VIII жалует знати за гражданские и военные заслуги. В этих документах жалуемые лица обычно именуются приближенными императора (οἰκεῖος τῇ βασιλείᾳ μου). В 1272 г. Николай Малиасин по хрисовулу Михаила VIII получил во владение земли монастыря Макринитиссы. Насколько обширны были эти владения, видно из того, что они находились в нескольких местностях, перечислявшихся в хрисовуле — Димитриаде, Крипе, Капрене, Альмире и других, и включали в свой состав пахотные земли, виноградники, мельницы². В 1274 г. это пожалование Николаю Малиасину и его жене Анне было подтверждено другим хрисовулом Михаила VIII³. В этом хрисовуле отмечается, что эти земли передаются как наследственные владения (γονικὸν κτήμα). Владения эти передавались со всеми жившими там крестьянами, всем движимым и недвижимым имуществом (κινητῶν καὶ ἀκινήτῶν πραγμάτων). Подобное же пожалование другому представителю этой фамилии, Иосафу Малиасину, отмечается в хрисовуле Михаила VIII 1274 г.⁴

Документы поздневизантийского времени рисуют яркую картину динамики роста крупного землевладения. Интересные данные мы находим в материалах, изданных Гуда⁵, в частности в хрисовуле Андроника II Палеолога от августа 1323 г., в котором определялись имущественные права крупного землевладельца Иоанна Ореста. В этом документе поименно перечисляются зависимые от Ореста крестьяне и приводится список его владений. Сравнивая этот документ с другими, более ранними документами, можно получить представление о росте земельных имуществ Ореста. Мы видим, что он приобретает хорафий размером около 100 модиев от некоего Литовоя и два других хорафия, один в 20, другой в 10 модиев. Кроме этих участков, путем обмена и покупки, произведенных в разное время, Орест приобрел земельную площадь около 1000 модиев. По просьбе Ореста Андроник II объявил все его владения родовыми (γονικά) с правом передачи по наследству, предоставил Оресту широкие права экскусии и объявил его владения „выше всякого и разнообразного государственного вмешательства и какого-либо иного беспокойства“⁶. Таким образом, Иоанн Орест систематически скупал участки крестьян — мелких землевладельцев, превращая их в своих париков, оставшихся на земле Ореста. В этом же собрании Гуда мы находим акты, характеризующие рост земельного имущества другого феодала Димитрия Мурина, который получил по хрисовулам Андроника II целые села с населявшими их париками. Мурин

¹ Pachymeres. De Michaele et Andronico Paleologis, III, 8, v. I, p. 209.

² MM, IV, p. 330—332.

³ Ibid., p. 333—336.

⁴ Ibid., p. 336—339.

⁵ Μ. Γούδας. Βυζαντινά έγγραφα τῆς ἐν Ἀθῶν ἱερῆς μονῆς τοῦ Βατοπεδίου. Ἔτ. Ἐτ. Βυζ. Σπ., ἔτος Γ', σελ. 113—134; ἔτος Δ', σελ. 211—248. Ἀθήναι, 1926—1927.

⁶ Ibid., p. 226—228.

также получил права экскуссии, с освобождением почти от всех налогов, за исключением налогов на постройку крепостей и судов (*καстроκτισία καὶ κλητεροκτισία*)¹.

В монастырских документах зачастую встречаются сведения, проливающие свет на положение крупных светских феодалов и показывающие процесс накопления ими земельных владений. В этой связи представляет интерес завещание крупной землевладелицы Ирины. В опубликованном у Гуда отрывке завещания говорится о том, что во владении Ирины было большое количество рогатого скота, до 500 овец, 200 ульев и большое количество разнообразного инвентаря. После смерти своего мужа Фоки Ирина построила в метохе Авлаке церковь, богато украшенную фресками, кельи, трапезную, водяную мельницу, пожертвовала Ватопедскому монастырю два хорафия и внесла значительную сумму деньгами². По размерам пожертвований, стоимости построек можно судить о крупных доходах этого феодального владения.

Яркой иллюстрацией, позволяющей составить представление о размерах владений отдельных крупных феодальных фамилий, является рассказ Кантакузина об его владениях, которые он потерял в 1341 г. вследствие перехода ряда городов на сторону регентши Анны Савойской, матери Иоанна V Палеолога. Как говорит Кантакузин, трудно исчислить все его потери, вызванные утратой этой территории. На полях в поместьях Кантакузина паслись большие стада быков, до 5 тыс. голов. Для нужд пахоты в его владениях было 2 с половиной тысячи лошадей. В утраченных поместьях было 200 ослов, 300 мулов, 50 тыс. свиней, 70 тыс. овец³. В другом месте Кантакузин говорит о своих больших владениях, которые были расположены вокруг города Ферры и состояли из огромных участков пахотной земли, пастбищ и плодовых садов⁴.

Размеры владений византийских феодалов указаны в известной монодии Димитрия Кидониса, посвященной событиям в Фессалонике, связанным с восстанием зилотов 1342—1349 гг. По свидетельству Кидониса отдельные представители византийской знати в Фессалонике имели такие крупные земельные владения, что на доходы от них могли бы содержать весь гарнизон города⁵. Подобные размеры владений приводили к необходимости создавать свой аппарат управления, строившийся по образцу государственного аппарата.

Наряду с участками мелких землевладельцев и стратиотов добычей крупных светских феодалов и монастырей становились также и мелкие прониарские владения. Так, в перечень владений Ватопедского и Хиландарского монастырей входят многие владения, ранее принадлежавшие мелким прониарам, у которых число зависимых париков колебалось от 1 до 26.

Процесс феодализации в поздней Византии усиливался еще, как мы знаем из рассказа Дуки, благодаря установившейся при Палеологах практике раздачи наследникам в управление отдельных областей⁶. Сыновьям и родственникам императоров, получавшим эти области в управление, обычно присваивали титул деспота. Дука сообщает, что

¹ Μ. Γούδας. Βυζαντινά ἔγγραφα. . . , σελ. 309—311.

² Ibid., p. 211—216.

³ Cantacuzenus. Historiarum libri 4, Bonnae, 1828—1832, III, 30, v. II, p. 184—185.

⁴ Ibid., III, 31, v. II p. 192.

⁵ D. Kydonis. Μονωδία ἐπὶ τοῖς ἐν Θεσσαλονίκη πεσοῦσιν. PG, t. 109, col. 645.

⁶ Е. Черноусов. Дука, один из историков конца Византии. ВВ, т. XXI, 1914, вып. 3—4, стр. 188.

Иоанн V Палеолог назначил деспотом Лакедемонии своего младшего сына Феодора¹. Император Мануил II Палеолог (1391—1425), венчав соправителем своего сына Иоанна, будущего императора Иоанна VIII (1425—1448), второго сына Феодора назначил деспотом Лакедемонии, третьего сына Андроника — деспотом Фессалии, а четвертому сыну Константину, будущему императору Константину XI (1449—1453) поручил управление византийскими владениями на Черном море, „примыкающими к Хазарии“². Эти деспоты из членов императорской фамилии, стоявшие во главе отдельных областей, вели себя как полунезависимые правители, часто задерживая налоговые поступления, которые они должны были пересылать в столицу, тратя их на содержание своего двора и аппарата. Все это еще больше усиливало раздробленность империи и ослабляло ее финансы. У Пахимера мы находим данные, свидетельствующие об ослаблении государственного аппарата империи, ее обороноспособности. Силы ромеев, говорит он, были не только ослаблены, но и погублены прониями (*αἱ μὲν γὰρ Ῥωμαῖκαὶ δυνάμεις οὐχ ὅπως ἐξῆσθάνουν, ἀλλὰ καὶ προνίαις ἀπολωλέκότες*)³. Он говорит о большом количестве проний, которые раздавались не только приближенным императора и войнам (здесь нужно иметь в виду командный состав армии), но и церквям и монастырям⁴.

Для изучения эволюции форм поздневизантийского феодализма большое значение имеют опубликованные Ф. И. Успенским совместно с В. В. Бенешевичем Вазелонские акты⁵. Хотя эти материалы касаются непосредственно феодального устройства Трапезундской империи, тем не менее они бесспорно могут быть привлечены для характеристики форм поздневизантийского феодализма.

Большой интерес представляет определение терминов территориального деления, встречающихся и в более ранних византийских актах, но в Вазелонских актах получающих наиболее точное и полное освещение. Речь идет о стаси, проастии (*στάσις, προάστιον*) и хорафин. По Вазелонским актам хорафий — это „организованный“ земельный участок, соответствующий русскому понятию усадьбы. Хорафий экономически связан с деревней или поселком (*τὸ χωρίον*). Но между хорафием и деревней мы обнаруживаем в Вазелонских актах промежуточное деление, именуемое стасью. В целом ряде актов, относящихся как к никейскому периоду, так и к более позднему времени, мы вместо термина *στάσις* находим термин *προάστιον*. Так, например, в хрисовуле Иоанна III Ватада монастырю Лемвиотиссы возле Смирны от 1228 г. мы встречаем проастиий Вари⁶. Термин проастиий в смысле отдельных владений того же монастыря встречается в описании его владений, составленном в 1235 г. стратопедархом Михаилом Фокой⁷. В хрисовуле Андроника II Палеолога от 1384 г., подтверждающем владения и привилегии монастыря Лемвиотиссы⁸, термин проастиий явственно употребляется в смысле отдельного владения, вотчины, причем перечисляются проастии, в раз-

¹ Ducas, *Historia Byzantina*, cap. XII, Bonnae, 1834, p. 44.

² *Ibid.*, cap. XXIII, p. 134.

³ Pachymeres. De Michaele et Andronico Paleologis, V, 9, v. II, p. 389.

⁴ *Ibid.*, p. 390.

⁵ Ф. И. Успенский и В. В. Бенешевич. Вазелонские акты. Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии XIII—XV веков. Л., 1927.

⁶ *MM*, IV, p. 2—3.

⁷ *Ibid.*, p. 4—18.

⁸ *Ibid.*, p. 28—32.

ные времена переходившие во владение монастыря. Здесь подробно перечисляются составные элементы проастия Сфурна: сады, мельницы, мастерские¹. Из этого документа явствует, что термин проастий равнозначен термину стасть, так как несколько далее, при перечислении владений монастыря, термин *στάσις* перемежается с термином *προάστειον*².

Проастий представляет собой дальнейшее развитие стасти, это — сеньориальная вотчина и усадьба, разделенная на участки, населенные зависимыми от феодала-прониара либо монастыря крестьянами.

Термин хорафий почти всегда встречается наряду с именем его владельца. Большой интерес представляет система переделов земельных участков, — весьма важное явление в динамике форм византийского феодализма, которую мы можем проследить по актам XIII—XIV вв. Мелкие доли, как свидетельствуют эти акты, к XIII—XIV вв. все больше освобождаются от всяких запретительных мер, имеющих целью оградить интересы мелкого крестьянского землевладения. Эти наделы-доли в поздневизантийское время свободно продаются, обмениваются, передаются по завещанию, дарятся монастырям и т. д., что создает предпосылки для усиления дробления участков, облегчает захват этих участков крупными землевладельцами и монастырями, стремящимися округлить свои владения за счет соседних мелких крестьянских участков³.

Интересный материал, характеризующий процесс измельчания крестьянских участков, мы находим в Хиландарской писцовой книге. По этой книге⁴ из 57 дворов одного из описываемых сел — Градца — у одного крестьянина было 125 модиев пахотной земли, у семи по 100 модиев, у трех по 70 модиев, у трех по 25 модиев, у тринадцати по 8 модиев, у трех по 4 модия, у двух по 3 модия, у одного — $2\frac{1}{2}$ модия, у трех по 2 модия, у двух по $1\frac{1}{2}$ модия и у трех — всего по 1 модию⁵. Наконец, почти у целой трети зависимых крестьян села Градца вовсе не было своих земельных участков.

Измельчание крестьянских участков, оскудение крестьянской собственности облегчало захватнические тенденции крупного землевладения и способствовало росту его экономической мощи.

МОНАСТЫРСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В ВИЗАНТИИ XIII—XV вв.

Наряду с развитием крупного светского землевладения в Византии, основной формой которого были пронии, XIII—XV вв. характеризуются

¹ MM, IV, p. 29.

² Ibid., p. 30. Как увидим далее, стасть встречается и в значении крестьянского надела.

³ Ф. И. Успенский и В. В. Бенешевич. Вазелонские акты, стр. LXXXIII; Ф. И. Успенский. Социальная эволюция и феодализация в Византии, *Анналы*, № 2. Пг., 1922, стр. 95—114.

⁴ Actes de Chilandar. ВВ, т. XVII, 1911, прилож. Ср. П. Безобразов. Афонские документы. Византийское обозрение, I, 1915, стр. 53—76.

⁵ Земельной мерой крестьянских наделов в Византии были зевгарь и модий. В. Г. Васильевский (Материалы для внутренней истории Византийского государства. Труды, т. IV. Л., 1930, стр. 115) считал, что модий равнялся одной двадцатой старой русской десятины. Исследования советского ученого академика Я. А. Манандяна [(Я. А. Манандян. Веса и меры в древнейших армянских источниках. Ереван, 1930, на армянском языке). Цитируем по его же работе „Римско-византийские хлебные меры и основанные на них индексы хлебных цен“. ВВ, т. II, 1949, стр. 60—73)] показали, что на самом деле модий составлял около одной двенадцатой десятины. Размеры зевгаря могли меняться. Но в каждой отдельной местности, в зависимости от качества земли, зевгарь представлял определенное количество модиев.

дальнейшим ростом монастырского землевладения. В распоряжении исследователя, изучающего рост монастырского землевладения в этот период, имеется большой фонд источников, особенно в собрании актов Миклошича и Мюллера. В IV томе этого собрания изданы акты крупных византийских монастырей, позволяющие проследить динамику их роста в XIII—XV вв.

Весьма интересны материалы, относящиеся к монастырю Павла Латрского. В 1175 г. чиновник финансового ведомства Иоанн Хрисанф, производя обследование земельных владений монастыря, подтвердил его право на все владения и освободил его от всех податей и повинностей, включая пастищный сбор и поголовную подать¹. В 1189 г. в связи с всеобщей переписью земельных владений в округе, где находился монастырь, налоговый сборщик Василий Ватац снова подтвердил права монастыря на все его земельные владения². При императоре Исааке II Ангеле (1185—1195) монастырь вел тяжбу о владении поместьями Мессингубами и Кипариссии.

Несмотря на то, что эти владения принадлежали окрестным крестьянам, права которых были бесспорны, они были отобраны у крестьян и переданы монастырю³. Монастырь вел тяжбу также с крестьянами округа Сампсон. Несмотря на то, что крестьяне этого округа имели документы, подтверждающие их права на эти владения, суд после длительного разбирательства присудил спорные земли Латрскому монастырю.

Обильный материал для характеристики монастырского землевладения дают нам акты монастыря Лемвиотиссы в Малой Азии, восстановленного в 1228 г. по хрисовулу Иоанна III Ватаца. Монастырю было предоставлено право владения землей со всеми поселенными на ней париками и пожалованы большие льготы налогового экскуссии⁴. Около 1230 г. особым хрисовулом императора было приказано разыскать земли и имущество, ранее принадлежавшие монастырю и утраченные им в различное время. Осуществление этого повеления было специально возложено на пансеваста Михаила Кадиана⁵. В целом ряде простагм содержалось утверждение монастыря Лемвиотиссы в правах владения участками, которых ему удалось добиться в тяжбах с соседними крестьянами. Отчетливую картину бурного роста владений этого монастыря за счет крестьянских участков представил в своем исследовании Б. А. Панченко⁶.

Кроме участков, которые монастырь приобретал в тяжбах с крестьянами, он получал также значительные владения из государственного земельного фонда. Так, в 1234 г. Иоанн Ватац дважды жаловал монастырю большие земельные участки⁷. Размеры пожалования можно установить по описанию границ (*περιορισμός του περιβολίου*) жалуемого владения, приводимого во второй из этих простагм. Акты дают возможность проследить ряд случаев, когда областные правители возбуждали ходатайства о том, чтобы признать за ними право взимания с монастыря некоторых податей или выполнения отдельных повинностей, но мона-

¹ ММ, IV, р. 318.

² Ibid., р. 319—320.

³ Ibid., р. 320—327.

⁴ Ibid., р. 3—4.

⁵ Ibid., р. 145—146.

⁶ Б. А. Панченко. Крестьянская собственность в Византии. ИРАИК, IX. София, 1904, стр. 92—145.

⁷ ММ, IV, р. 145, 146—150.

стырь постоянно добивался освобождения от всех налогов, несмотря на то, что это создавало большие трудности местным властям¹.

Положение крестьян на земле этого монастыря было чрезвычайно тяжелое. Дело дошло до восстания монастырских париков, о котором мы узнаем из хрисовула 1259 г. Парики отказались выполнять барщину, перестали платить налоги. Они запрещали вновь поселяемым крестьянам выполнять извозную повинность. В хрисовуле местным правителям предписывалось принять насильственные меры, чтобы привести монастырских крестьян к повиновению².

Приращение монастырского земельного фонда совершалось не только посредством императорских пожалований, но и за счет многочисленных дарений частных лиц. Сохранилось огромное количество актов этих дарений, сопровождаемых подробными описаниями даруемых участков. Среди пожертвований, сделанных монастырю Лемвиотиссы, мы встречаем такие крупные дарения, как вклад священника Алексея Тесаита, пожертвовавшего монастырь Пантелеймона³, дар смиренного митрополита Георгия, пожертвовавшего имение, соприкасавшееся с владениями монастыря⁴. Большие пожертвования монастырю сделала протоприархисса Ирина⁵. Весьма значительны пожертвования частных лиц, в том числе и крестьян. Кроме того, нужно учесть, что монастыри, как и светские землевладельцы, расширяли свои владения путем скупки мелких участков у соседних крестьян.

Положение церковно-монастырского землевладения было особенно прочным, так как церкви и монастыри давно добились признания неотчуждаемости владений. Посягательства центральной власти на имущество церквей и монастырей имели место лишь в исключительных случаях и большей частью заканчивались неудачей. С церквями и монастырями были связаны благотворительные учреждения, которые в поздневизантийское время получают большое развитие: орфанотрофии, т. е. сиротские дома, геронтокомии, т. е. убежища для престарелых, птохотрофии, т. е. своего рода столовые для бедных, больницы, ясли, носившие общее название *εὐχρηεῖς οἴκοι*. Эти учреждения пользовались поддержкой со стороны императоров и также получали пожалования больших земельных владений.

В поздневизантийское время, наряду с другими монастырями, чрезвычайно разрослись владения монастыря Эсфигмена. Рост его владений можно проследить по актам, опубликованным в 1906 г. Л. Пти и В. Регелем⁶.

Монастырский земельный фонд особенно увеличился в поздневизантийское время. Уже в XI в., как это можно установить из опубликованных актов этого времени, монастырь Эсфигмена сильно расширил свои владения⁷. Под №№ 3 и 4 мы встречаем запродажные акты, совершенные в пользу монастыря Эсфигмена на землю, приобретаемую им у некоего Алексея Амнона⁸. Оба эти акта относятся к 1301 г. Документ № 5, относящийся к 1315 г., открывает историю длительной тяжбы монастыря с афонскими Ватопедским и Зографским монастырями⁹.

¹ MM, IV, p. 251.

² Ibid., p. 255—256.

³ Ibid., p. 56—57.

⁴ Ibid., p. 52—54.

⁵ Ibid., p. 232—235.

⁶ Actes d'Esphigménou. ВВ, т. XII, 1906, прилож., стр. XXXIV + 122.

⁷ Там же, стр. 1—3.

⁸ Там же, стр. 5—9.

⁹ Там же, стр. 9 сл.

Тяжба шла из-за большого владения, находившегося к юго-западу от Ватопедского монастыря. Это владение, как значилось в документе № 5, принадлежало монастырю Эсфигмена с „незапамятных времен“, но, тесно соприкасаясь с владениями Ватопедского монастыря, превратилось в яблоко раздора. Потребовалось вмешательство императора, чтобы восстановить за монастырем Эсфигмена его право на это владение. Последний случай показывает, что и такому мощному монастырю, каким был монастырь Эсфигмена, приходилось тратить немало усилий, чтобы добиться утверждения своих прав на спорные владения. Можно поэтому себе представить, каково было положение мелкого землевладельца, который пытался тягаться с монастырем и передавать дело в суды, неизменно становившиеся на сторону монастырей. Так, например, как видно из опубликованного в этом же томе документа¹, крестьяне села Рентина пытались отстоять земельный участок, о котором у них шла тяжба с монастырем Эсфигмена. Монастырь передал дело на рассмотрение „вселенских судей“ (*καθολικαὶ κρίται*), которые в 1334 г. вынесли решение в пользу монастыря.

Интересны акты, относящиеся к тому времени, когда монастырь Эсфигмена оказался на территории, захваченной Стефаном Душаном. Документ № 12, представляющий хрисовул Стефана Душана², дает подробный перечень владений монастыря, что позволяет проследить рост его земельного фонда. В этом перечне мы встречаем целый ряд новых владений монастыря, названия которых не упоминаются в предшествовавших актах. В документе № 15 мы встречаем новое монастырское владение под названием Парфенон, находящееся на полуострове Лонгос³. Документ представляет собою утверждение императором Иоанном V Палеологом этого владения за монастырем и относится к 1387 г. Ряд следующих документов свидетельствует о значительных пожертвованиях, сделанных в разное время монастырю и увеличивших его земельный фонд.

Рост земельного фонда монастырей можно проследить также по актам Зографского монастыря, изданным в 1907 г. В. Регелем, Е. Курцем и Б. Кораблевым⁴. Мы оставим без рассмотрения акты, относящиеся к периоду до XIII в., в течение которого складывались основные владения монастыря. В 1267 г. правитель Фессалоники севастократор Константин Торнийкий по распоряжению императора вводит Зографский монастырь во владение многочисленными участками в Проаулаке и Рахонии⁵. Перечисляются отдельные хорафии, которые закрепляются за монастырем. В акте № 9 мы находим запродажную запись, совершенную игуменом Ватопедского монастыря, по которой Зографский монастырь приобретал новое владение возле Фессалоники на сумму 240 золотых иперперов⁶. К началу XIV в. владения Зографского монастыря настолько разрослись, что понадобилось определить их границы. Это было поручено налоговому сборщику фессалоникской фемы Дмитрию Апельмене, и результаты этой переписи владений отражены в документе под № 15⁷, на основании которого мы можем судить о большом росте принадлежавшей монастырю земельной площади по сравнению с XI—XII вв. В 1320 г.

¹ Actes d'Esphigménou. ВВ, т. XII, 1906, прилож., стр. 22—24.

² Там же, стр. 27—28.

³ Там же, стр. 3.

⁴ Actes de Zoграфou. ВВ, т. XIII, 1907, прилож., стр. 1—213.

⁵ Там же, стр. 16—18.

⁶ Actes d'Esphigménou. ВВ, т. XII, 1906, прилож., стр. 25—27.

⁷ Там же, стр. 35—37.

перепись снова была сделана чиновниками Фессалоникской фемы Константином Пергаменом и Георгием Фарисеем. По этой переписи были зарегистрированы некоторые новые владения монастыря. Целая серия последующих указов регистрирует новые владения, полученные монастырем либо по императорским пожалованиям, либо путем купли. В 1342 г. Иоанн V Палеолог подтверждает все владения Зографского монастыря на Стримоне. По подсчетам Г. Острогорского Зографский монастырь, не считая виноградников, имел в 1300 г. 1240 модиев земли, а в 1320 г. — 3907 модиев¹.

Крупнейшим феодалом был Ватопедский монастырь. Его обширные владения перечислены в хрисовуле Стефана Душана от апреля 1348 г.² Монастырю принадлежали поместья и метохы в Каламари, а также вновь пожалованное Стефаном Душаном село Маманта со всеми его окрестностями и принадлежавшими ему пастбищами³. В этом хрисовуле отмечается интересный факт, вообще характерный для поздневизантийского времени, — переход стратиотских участков к крупным феодалам, каким в данном случае был Ватопедский монастырь⁴. Монастырю принадлежала земля Музаки площадью в 300 модиев, подаренная Стефаном Душаном, земля Цакониссы Амну, хорафии и виноградники эпиков в районе Фессалоники, которые ими владели раньше в этой местности⁵. Хрисовул отмечает, что к Ватопедскому монастырю перешли земельные владения Кассандрийской общины на острове Кассандрии с принадлежавшими ее членам родовыми участками (*γονικῶν στάσεων*)⁶, которые Стефан Душан передал Ватопедскому монастырю, что еще раз свидетельствует о поглощении общинной крестьянской собственности монастырским землеванием. Хрисовул отмечает далее в числе владений Ватопедского монастыря метохы Спилеотисса в Сидерокавсии, родовые владения Фокопула (*γονικὰ αὐτοῦ ἀπέλια καὶ χοράφια*), площадью в 500 модиев возле города Серр в Македонии, село возле Драцова, пожертвованное гетериархом Иоанном Маргарити, и другие его владения, метох Анаргиров в Дrame, земли в Алеврусе (площадью в 500 модиев) в Хрисополе в Малой Азии и много других, более мелких владений⁷. В этом хрисовуле подтверждались широкие права экскуссии, которыми пользовался Ватопедский монастырь, освобождение от всех налогов и повинностей, „как ныне действующих, так и могущих возникнуть впоследствии“ (*νῦν τε ἐνεργούμενον καὶ ὕστερον ἐπινοηθησόμενον*)⁸. Таким образом, Ватопедский монастырь расширял свои владения за счет крестьянских и стратиотских участков, а иногда и за счет владений отдельных крупных собственников. Его владения простирались далеко за пределы Афона — они находились на Стримоне, в Заварникии, Дrame, Зихне, Фессалонике, Веррое и других местах⁹. Наиболее значительными из владений крупных собственников, перешедших к Ватопедскому монастырю, является земля Леонтариев в 13 тыс. модиев, переданная по грамоте Алексея Метохита, сына известного византий-

¹ Г. Острогорский. Византийские писцовые книги. *Byzantinoslavica*, IX, 2, 1948, стр. 269, прим. 193.

² А. Соловьев и В. Мошин. Грчке повеље српских владара. Београд, 1936, стр. 138—147.

³ Там же, стр. 140.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 142.

⁷ Там же, стр. 142—144.

⁸ Там же, стр. 144.

⁹ Там же.

ского ученого и писателя, великого логофета Феодора Метохита. Затем идут поместья (*ζευγηλατεία*) — императорское пожалование Хаули на Лемносе, владения крупных собственников Крицисты, Комитиссы, Рафалия, Кримоты¹. Наиболее значительные владения крупных собственников перешли к Ватопедскому монастырю в XIV—XV вв. Расширение монастырского землевладения за счет светского видно, например, из Хиландарского практика². В нем показано, что значительная часть земель Хиландарского монастыря состояла из прежних владений мелких проиаров.

Для изучения монастырского землевладения в поздней Византии большое значение имеют греческие акты сербских правителей, большая часть которых относится ко времени Стефана Душана (1331—1355). Поставив своей целью основать на месте Византии греко-сербскую империю, Стефан Душан добился значительных успехов в расширении территории Сербии за счет Византии. В письме 1345 г. к венецианскому дожу Душан именуется себя „кралем Сербии, Хлума, Зеты, Албании и Поморья, владельцем немалой части Болгарского царства и господином почти всей Византийской империи“.

Организуя управление на завоеванных территориях, Стефан Душан хотел показать населению, что он не будет производить резких изменений в политическом управлении и в общественном строе. Греческий язык, повидимому, был признан официальным языком наравне с сербским, о чем свидетельствует большое количество дошедших до нашего времени грамот Стефана Душана и его ближайших преемников на греческом языке.

При Стефане Душане византийские архонты-феодалы получают подтверждение своих прав на владения, своих привилегий. Но особенно важно для Стефана Душана было заручиться поддержкой византийского духовенства. Этим объясняется покровительство, которое он оказывал монастырскому землевладению. После завоевания Серр под власть Стефана Душана попал Меникейский монастырь, — один из главнейших религиозных центров Византийской империи после афонских монастырей. В октябре 1346 г. Стефан Душан пожаловал ему хрисовул³, в котором он подтверждал за монастырем все его прежние владения, освобождал их от государственных повинностей и сборов, запрещал государственным чиновникам вступать во владения монастыря и что-либо требовать с него (*εἰσελθεῖν εἰς κτήματα ἢ εἰς μετόχια... καὶ ἀπατεῖν τι ἐξ αὐτῶν*). Кроме того, монастырю жаловались новые большие владения.

Подобное же политическое значение имели пожалования, неоднократно делаемые Душаном афонским монастырям. В хрисовуле Иверскому монастырю от января 1346 г. Стефан Душан ссылается на общий хрисовул, жалованный им всем афонским монастырям. Этот общий хрисовул не сохранился, но ссылка эта показывает вполне отчетливо его характер: *πάσας τὰς ἐν τῷ ἁγίῳ ὄρει τοῦ Ἁθῶ διακεκμημένας μονὰς...*

¹ Б. А. Панченко. Крестьянская собственность в Византии, стр. 202.

² Т. Флоринский. Южные славяне и Византия во второй четверти XIV века, вып. 2. СПб., 1882, стр. 115; F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges, S. 335. Во введении к разделу „Griechische Urkunden serbischer Herrscher“ Дэльгер высказывает предположение, что Стефан Душан создал специальную канцелярию для издания указов на греческом языке.

³ ММ, V, р. 111—114; А. Соловьев и В. Мошин. Грчке повеље српских владара, стр. 6—17. Греческие акты сербских правителей изданы в последнее время также в названном выше собрании Дэльгера (стр. 335—342).

διὰ χρυσοβούλλου κοινοῦ πάσαις αὐταῖς¹. В двух хрисовулах Иверскому монастырю от января и апреля 1346 г.² Душан подтверждает за монастырем его прежние владения в Зихне, Мельнике и других местностях Македонии, освобождает эти владения от всех поборов и повинностей, причем эти изъятия еще более полны, чем в византийских хрисовулах. Этими хрисовулами даруются такие льготы, которые обычно не представлялись прежними византийскими грамотами: κεφάλαιον τῆς ἀπογραφικῆς ἀναθεωρήσεως.

По мнению Т. Флоринского, эта льгота должна была обозначать освобождение монастырских поместий от судебных следствий и розысков со стороны гражданских властей³. Термин ἀπογραφικὴ ἀναθεώρησις в поздневизантийское время означал повторную перепись владений. Освобождение от этих переписей являлось большой льготой, предоставленной Стефаном Душаном монастырю. Эта льгота упоминается и в целом ряде других хрисовулов Душана, например в хрисовуле афонскому монастырю Филофея от апреля 1346 г.⁴

Хрисовулом от апреля 1346 г. Зографскому монастырю⁵ Душан подтвердил его владение деревней Хандак, пожалованной монастырю Иоанном V Палеологом. В этом хрисовуле также содержатся широкие права монастырской экскуссии. Чрезвычайно интересен весьма детализированный список налогов, от уплаты которых освобождался монастырь. Подобная детализация налоговой экскуссии, являющаяся отличительной чертой предшествующего периода, почти не встречается в поздневизантийское время, для которого характерны общие формулы налоговой экскуссии.

В конце 1347 и в начале 1348 г. Стефан Душан посетил Афон и пробыл там несколько месяцев. К этому времени относится ряд его хрисовулов афонским монастырям — Эсфигменскому, лавре Афанасия, Хиландарскому и русскому монастырю Пантелеймона. Хрисовулами подтверждались прежние владения монастырей, давались новые значительные владения и предоставлялись права экскуссии.

Можно было бы значительно расширить количество документов, которые содержат данные о росте монастырского землевладения в поздневизантийское время. Однако и приведенных нами актов достаточно для того, чтобы установить, насколько широко развивались владельческие права византийских монастырей в XIII—XV вв., в какой степени росли их права над зависимым населением. В поздневизантийское время монастыри становятся крупнейшими землевладельцами, заводят свой аппарат управления, все более превращаясь в замкнутые административно-хозяйственные комплексы земельных держаний, почти независимые от центральной государственной власти. В зарубежной историографии неоднократно утверждалось, что императоры династии Палеологов принимали меры к ограничению роста монастырского землевладения. Однако зарубежные ученые не могли привести ни одного документа, который подтвердил бы подобный вывод. В своем исследовании о византийских писцовых книгах Г. А. Острогорский указывал, что предшествующие исследователи (Ф. И. Успенский, П. Н. Безобразов, Б. А. Панченко и др.) не могли решить вопроса о том, кому предназначались налоговые поступления,

¹ А. Соловьев и В. Мошин. Грчке повеле српских владара, стр. 38.

² Там же, стр. 36—41, 42—51.

³ Т. Флоринский. Южные славяне и Византия во второй четверти XIV века, вып. 2, стр. 124.

⁴ А. Соловьев и В. Мошин. Грчке повеле српских владара, стр. 60.

⁵ Там же, стр. 64—71.

перечисляемые в практиках XIII—XV вв., и что этот вопрос до настоящего времени продолжает оставаться невыясненным. Между тем сам он приходит к правильному выводу о том, что в поздневизантийское время, как это устанавливается из большинства документов, все денежные платежи и натуральные повинности зависимых крестьян находились в полном распоряжении монастырей¹. С расширением иммунитетных прав росли владения монастырей, увеличивались получаемые ими денежные сборы и натуральные повинности. В поздневизантийское время на долю монастырей приходилась значительная часть феодальной ренты, взимаемой с непосредственных производителей.

ДОМЕНИАЛЬНАЯ ЗЕМЛЯ И КРЕСТЬЯНСКИЕ НАДЕЛЫ

При исследовании форм феодального землевладения с неизбежностью возникает вопрос о соотношении домена и крестьянских наделов в византийских крупных вотчинах и прониях.

Деление феодального земельного владения на домениальную землю и крестьянские наделы В. И. Ленин считал одной из характерных особенностей феодального общественно-экономического строя. „Сущность тогдашней хозяйственной системы, — писал он, — состояла в том, что вся земля данной единицы земельного хозяйства, т. е. данной вотчины, разделялась на барскую и крестьянскую...“².

Одна часть земельного владения в Византии состояла из крестьянских наделов, стасей, которым на Западе соответствовали мансы. Другая часть оставалась в непосредственном распоряжении феодального землевладельца. По выражению Хиландарского практика она находилась „особь одь паричьских стасей“. Как отмечает Г. Острогорский, это соответствует выражению *ἄνευ τῆς δωδεκάτης τοῦ παροίκου γῆς* („за исключением земли, данной парикам“), встречающемуся во втором практике Эсфигменского монастыря³.

Решение вопроса о пропорциональном соотношении этих двух частей в крупном земельном владении наталкивается на большие трудности. Основным источником для изучения этого вопроса являются византийские писцовые книги. Между тем писцовые книги, за редким исключением, не содержат особых описаний домениальной земли. Тем не менее, отдельные данные, встречающиеся в этих и некоторых других источниках, позволяют придти к выводу, что домениальная земля по своим размерам значительно превосходила общую совокупность крестьянских земельных наделов.

Соотношением между домениальной землей и крестьянскими наделами в последнее время специально занимался Г. Острогорский, анализирувавший в основном писцовые книги афонских Зографского и Хиландарского монастырей. В составленных им таблицах он показал, что в Хиландарском монастыре неподеленная господская земля в 5 раз превосходила землю, находившуюся во владении крестьян. В Зографском монастыре домениальной земли было даже в 10 раз больше, чем крестьянских наделов⁴. Подобное соотношение между домениальной землей и крестьянскими наделами Острогорский считал обычным для аграрных

¹ Г. Острогорский. Византийские писцовые книги, стр. 232 и сл.

² В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 157.

³ Actes d'Esphigménon. ВВ, т. XII, 1906, прилож., стр. XVI; см Г. Острогорский. Византийские писцовые книги, стр. 238.

⁴ Г. Острогорский. Византийские писцовые книги, стр. 239.

отношений Византии в XIII—XV вв. Из известных нам документов преобладание домениальной земли по сравнению с крестьянскими наделами мы обнаруживаем в описи владений монастыря Ксенофона, произведенной в 1318 г. В принадлежавшем этому монастырю метохе Стомий из общего количества земли 2170 модиев у зависимых от монастыря париков было лишь 70 модиев наделной земли, которая в документе так и называется парической землей *ἀφ' ἧς τῶν ἐβδομηκοντά ἐστὶ παρική*¹. Мы не располагаем данными, которые могли бы установить количественное соотношение домениальной и наделной парической земли во владениях светских феодалов, так как до нас не дошли описи подобных земельных владений. Следует предположить, однако, что и в этих владениях соотношение было таким же, как во владениях монастырей.

Незначительное количество наделной земли по сравнению с землей, находившейся в непосредственном владении светских феодалов и монастырей, вызывает естественный вопрос о формах, которые принимала эксплуатация господской, домениальной земли, поскольку ее обработка не могла производиться целиком за счет барщинного труда зависимых париков.

Основной формой эксплуатации домениальной земли была сдача ее в аренду. В качестве арендаторов выступали чаще всего крестьяне, зависимые от данного владения, преимущественно безземельные и мало-земельные². Арендуя землю у феодалов, крестьяне в виде арендной платы должны были вносить половину урожая виноградников и одну треть урожая зерновых³. Интересно указание, встречающееся в Хиландарской писцовой книге, о том, что домениальная земля лучшего качества должна обрабатываться барщинным трудом париков (*μετὰ τῆς ἀγχαρίας τῶν παρικών*)⁴, в то время как другая господская земля может обрабатываться путем сдачи ее в аренду. Значительное распространение имел также труд батраков, наемных рабочих (*μισθίοι*). В описи владения Патмосского монастыря на острове Леросе мы встречаем упоминание о специальном помещении для батраков, а также о доме для дворовых париков⁵. Остальные парики жили в деревнях в своих домах.

Арендная плата за пахотные земли взималась не только в виде определенной доли с урожая, но и в денежном исчислении. Основываясь на Патмосской писцовой книге, Г. Острогорский предлагал считать установленным, что эта оплата выражалась в одной номисме с 10 модиев пахотной земли⁶. Следует, однако, отметить, что в нашем распоряжении не имеется достаточного количества данных, чтобы делать окончательные выводы о размерах денежной оплаты за аренду пахотной земли. Следует иметь в виду, как правильно отмечает Острогорский, что, вследствие резкого падения ценности византийской золотой номисмы в XIII—XIV вв., ставки арендной платы в это время должны были повышаться, а не понижаться⁷.

Византийские феодалы извлекали доходы не только от прямой эксплуатации зависимого крестьянства, но и от развивавшихся торговых связей с городом. В Византии XIII—XV вв. мы наблюдаем более развитое денежное обращение, чем в Западной Европе. До нас дошло чрезвы-

¹ Actes de Xénophon. ВВ, т. X, 1903, прилож., № 6, стр. 46.

² См. Г. Острогорский. Византийские писцовые книги, стр. 238.

³ K. N. Sathas. Μεσαιωνική βιβλιοθήκη, VI, p. 621—622.

⁴ Actes de Chilandar, ВВ, т. XVII, 1911, прилож., № 92, стр. 198.

⁵ MM, VI, p. 38.

⁶ Г. Острогорский. Византийские писцовые книги, стр. 247.

⁷ G. Ostrogorsky. Löhne und Preise in Byzanz. ВЗ, 32, 1932, S. 315 ff.

чайно мало источников, которые позволяли бы делать обобщающие выводы о развитии ремесленного производства в византийском феодальном поместье. Однако и те редкие сведения, которые встречаются в источниках, позволяют сделать некоторые наблюдения. Интересен в этом отношении документ о передаче имущества Гуделиса монастырю Лемвиотиссы¹. Вступая в монастырь в 1294 г., Гуделис передал ему все свое имущество. В составе этого имущества, находившегося в его владениях в районах Смирны и Нимфея, были четыре ткацкие мастерские, пекарня, булочная, дававшая Гуделису 200 номисм ежегодного дохода, мастерская для изготовления изделий парфюмерии. Продукция мастерских, принадлежавших Гуделису, отправлялась на городские рынки и приносила ему значительные доходы. Наличие ремесленных мастерских отмечается также в опубликованной Дэльгером грамоте землевладельца Димитрия Циринга 1392 г.² В описях XIV в. мы находим большое количество ремесленников, работавших как в своих деревнях, так и в мастерских, расположенных на земле феодалов и монастырей. Мы встречаем здесь тележников (ἀμαξῆς), сапожников (τζαγγάριος), портных (ῥάπττης), горшечников (τζυχαλῆς), медников (χαλκεύς), ткачей (λιναρᾶς)³ и др. Торговые связи феодального поместья с городом подтверждаются наличием больших ярмарок, регулярно происходивших во многих областях империи.

ОСОБЕННОСТИ ВИЗАНТИЙСКОГО ФЕОДАЛЬНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В ФЕССАЛИИ

Развитие крупного феодального землевладения в поздневизантийское время в Фессалии имеет ряд существенных особенностей. Эти особенности объясняются тем, что Фессалия за время латинского господства наиболее сильно испытала на себе влияние западных форм феодального землевладения. В 1204 г. Фессалия по договору о разделе империи вошла в состав Фессалоникского королевства. Западные рыцари получили здесь большие феодалы в Лариссе, Платамоне, Велестине и других местах. Именно в Фессалии собирались так называемые парламенты Латинской империи, в которых, помимо рыцарей-завоевателей, принимали участие и местные греческие архонты.

Владычество „латинян“ в Фессалии продолжалось недолго. В 1222 г., когда Феодор Ангел Эпирский был провозглашен императором в Эпире, Фессалия вошла в состав Эпирского деспотата. Западное влияние в Фессалии сказалось в образовании крупных бароний. Так, с 1241 г. сын Михаила II Эпирского Иоани управлял отдельно Фессалией и резиденцией в Новой Патре, в это же время Иоани Глава правил областью Кастории, а Феодор Петралифа — областью Лариссы.

Еще до латинского завоевания в Фессалии, с ее богатыми плодородными равнинами, образовались целые династии мощных фамилий феодальной знати. Эти фамилии издавна добились хрисовулов, неоднократно подтверждавших, по которым они получали широкие имунитетные права. Здесь мы можем наблюдать многочисленный класс мегистанов, крупных землевладельцев, владеющих настоящими родовыми замками, дающих жалованные грамоты монастырям и, очевидно, своим дружин-

¹ MM, IV, p. 286.

² F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges, № 89, S. 239; № 114, S. 310—311.

³ Ibid., S. 190. См. в этом издании документ № 68/69, стр. 199 (ῥάπττης и τζυχαλῆς).

никам¹. Ко второй половине XIII в. в Фессалии большого экономического могущества достигает фамилия Мелиссинов. Как свидетельствуют акты, Константин Мелиссин был женат на племяннице эпирского деспота Феодора Комнина Ангела (1213—1229) и имел „значительное богатство, избыток владений и разнообразного имущества“². Другой известной в Фессалии фамилией были Стратигопулы, имевшие в конце XIII в. большие владения вокруг села Мегали в горах Пилия, возле монастыря Макритиссы.

Под влиянием франкских обычаев и норм общественного устройства фессалийские архонты перешли к совместному обсуждению и защите своих прав и привилегий³ крупных землевладельцев. Когда в 1290 г. умер Иоанн Ангел Комнин, архонты Фессалии собрались, чтобы обсудить вопрос об афинском герцоге де ла Рош, назначенном Иоанном регентом при его малолетнем сыне Константине (*tout li baron et li haut home de la Blaquie se furent ensemble et orent leur conseil*)⁴. Собравшиеся решили, что афинский герцог лучше всего защитит их от византийского императора, эпирского деспота и болгар. Когда герцог прибыл, он принял присягу архонтов и сам принес присягу соблюдать их права (*leur jura aussi li dux de eaux tenir et maintenir en leur franchises et raisons*)⁵. Эта присяга — новый момент в развитии крупного землевладения на византийской почве, первый случай взаимной присяги вассалов и сюзерена, неизвестный до этого византийскому праву⁶.

Фессалия долго сохраняла политическую самостоятельность и после падения латинского господства. Правивший Фессалией Иоанн II Ангел (называемый в источниках *Angelus sebastocrator della Patra, signore della terre de Athene e Patras*) стремится к сближению с Византией, женится на Ирине, незаконной дочери Андроника II⁷. Когда в 1318 г. он умер без наследников, Андроник II объявил Фессалию вдовствующим леном империи (*χρησίου φέσδον*). Были разосланы письма ко всем крупнейшим феодалам Фессалии, в которых содержался призыв подчиниться императору и снова объединиться со всей империей, как это было в прежние времена (*ὑπέειχεν τῷ βασιλεῖ καὶ εἶναι μίαν τὴν Ῥωμαίων ἀρχὴν σὺν τοῖς ἄλλοις ὡς ἐν τοῖς πρότερον χρόνοις*)⁸. Но фессалийские архонты — мегистаны продолжали отстаивать свои права, и еще долго зависимость этих территорий от Византии продолжала оставаться номинальной.

Интересный материал о положении в Фессалии был собран французскими учеными Гезе и Доме в результате научной экспедиции в Македонию⁹. Через несколько лет после прихода к власти Андроника III, в 1336 г., он отвоевал у эпирского деспота Иоанна крепости Фессалии Фанари, Триккалу и Стаги и пожаловал хрисовул жителям завоеванной местности¹⁰. В этом документе он ссылается на прежние хрисовулы, которые жители этой местности имели еще во времена Никифора Вотаниата (1078—1081) и Алексея I Комнина (1081—1118).

¹ И. Соколов. Крупные и мелкие вассалы в Фессалии в эпоху Палеологов. ВВ, т. XXIV, 1923—1926, стр. 36 сл.

² MM, IV, p. 345—346.

³ А. В. Соловьев. Фессалийские архонты в XIV веке. Черты феодализма в византийско-сербском строе. *Byzantinoslavica*, IV, 1, 1932, стр. 161.

⁴ Buchon. *Recherches historiques sur la principauté de Morée*, vol. I. Paris, 1845, p. 406.

⁵ Ibid., p. 408.

⁶ А. В. Соловьев. Фессалийские архонты в XIV веке..., стр. 161.

⁷ Nic. Gregora. *Historia Byzantina*, Bonnæ, 1829—1830, VII, 7, vol. I, p. 249.

⁸ Ibid., VII, 13, vol. I, p. 279.

⁹ L. Heuzey et H. Daumet. *Mission archéologique de Macédoine*, Paris, 1876.

¹⁰ Ibid., p. 453—454.

Согласно этим хрисовулам епископству Стаги жаловались парики вместе с землей, на которой они сидели. В хрисовуле Андроника III упоминается о переписи владений (*εις ἀπογραφικὴν κατὰστασιν τῆς χώρας*), которую он велел произвести после завоевания этих областей.

Особый интерес представляет опубликованная в этой работе оригинальная клятвенная грамота Михаила Гаврилопула, который выдвинулся как правитель Фессалии (*αὐθέντης τῆς θετταλίας*), когда в 1341 г. умер Андроник III и началась борьба Иоанна Кантакузина с Палеологами. По условиям этой грамоты, город Фанари отдавал себя под власть Михаила Гаврилопула, представителя знатнейшей феодальной фамилии Фессалии, который обозначал свою власть термином *ἡ αὐθεντία μου*. Договор с Гаврилопулом заключили архонты Фанари "...великие и малые, светские и духовные, хрисовулаты и экскуссаты" (*μεῖζονες τε καὶ μικροί, [κοσμικοὶ καὶ] κληρικοί, χρυσοβούλλατοι καὶ ἐσκουσσάτοι*)¹, которые вступили в договорные отношения со своим сюзереном — государем (*αὐθέντης*) Гаврилопулом. Эти мегистаны принесли ему присягу в верности. В ответ он дал им не жалованную, а клятвенную грамоту (*ὄρκωμοτικὸν γράμμα*) в том, что будет соблюдать их права и свободы. По этой грамоте Гаврилопул гарантировал мегистанам права, пожалованные им прежними хрисовулами и повелениями (*διὰ χρυσοβούλλου καὶ προστάγματος βασιλικοῦ*), обеспечение прав землевладения, полную свободу распоряжения земельными имуществами, свободу от налогов и постоев, строго ограниченные условия военной службы (*στρατιωτικῆς δουλείας*), ответственность за родственников в случае измены и сословный суд. Грамота заканчивается клятвой Гаврилопула². Как правильно отмечает А. В. Соловьев, эта грамота совершенно одинока в византийской дипломатике, знающей лишь жалованные грамоты государей³. Следует отметить, что только для Фессалии характерны случаи выдачи повторных клятвенных грамот, таких, как, например, грамота Стефана Душана, пожалованная им в 1348 г. монастырю Ликусаде в Фессалии⁴. Подобную же грамоту выдал царь Симеон монастырю Завлантии в 1366 г.⁵ Этот документ также называется *ὄρκωμοτικὸν χρυσοβούλλος λόγος* и завершается „страшной клятвой“ *εις πάντα τὰ ἄγια καὶ εἰς τὴν ψυχὴν τῆς βασιλείας μου*.

А. В. Соловьев, рассматривая эти грамоты, видит в них влияние латинских рыцарей, „уклон консервативной Византии к Западу“, к типу сословной монархии⁶, что является безусловно ничем не обоснованным преувеличением. Отличие развития феодализма в Византии от Запада как раз и заключалось в том, что в ней не образовалось сословной монархии. Нет оснований говорить также о том, что в западной части Византийской империи создались городские или областные собрания церковных и светских архонтов, которые „повлияли на развитие корпоративного духа“⁷. Эти собрания архонтов происходили от случая к случаю и, во всяком случае, не носили характера постоянно действующего института. Подобных явлений в Византии в позднейшее время мы установить не можем.

¹ L. Heuzey et H. Daumet. *Mission archéologique de Macédoine*, p. 456.

² *Ibid.*, p. 455.

³ А. В. Соловьев. Фессалийские архонты в XIV веке..., стр. 164. Этот интересный документ воспроизведен также у ММ, V, p. 260—261. Русский перевод этого документа был дан И. И. Соколовым в его статье „Крупные и мелкие власти в Фессалии в эпоху Палеологов“ (ВВ, т. XXIV, 1923—1926, стр. 37—38).

⁴ Грамота эта впервые напечатана у Ст. Новаковича („Законски споменици“. Београд, 1912, стр. 791—793); затем — у D. N. Anastasijević. *Spmenik*, 1922, стр. 34—36 и А. Соловьева и В. Мошина. Грчке повеле српских владара, стр. 152—161.

⁵ Ст. Новакович. *Законски споменици*, стр. 737.

⁶ А. В. Соловьев. Фессалийские архонты в XIV веке..., стр. 171.

⁷ Там же